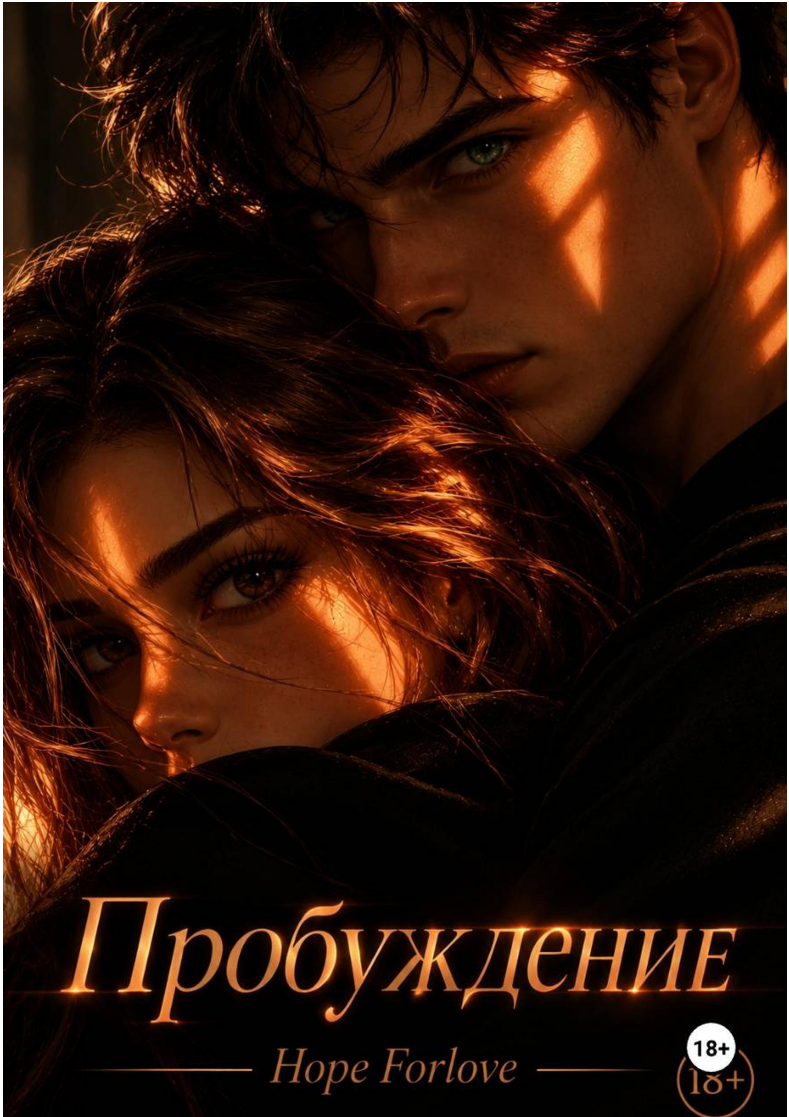
Пробуждение
Hope Forlove
18+
18+

Hope Forlove
Пробуждение

https://litres.ru/74968018
SelfPub; 2026

Аннотация

Деклан Рид когда-то жил боксом: ринг, гонг, зал, затихающий при звуке его имени. Один рывок в последнем раунде перечеркнул всё. Теперь ему двадцать два, он тренирует детей, шутит громче, чем следовало бы, и делает вид, что давно смирился.

Лия Картер всего лишь закрывает смену в кофейне, когда на пороге появляется промокший парень в мотоциклетной куртке. Один чёрный кофе, пара колких шуток, и она уже не может выбросить его из головы. Но Деклан не умеет оставаться, а Лия задаёт вопросы, на которые он давно не отвечает.

Между ними дождь Сиэтла, недосказанное прошлое, мамина записная книжка, которую никто не решается открыть, и плечо, которое Деклан три года просил не трогать.

Что случится, когда ему придётся перестать убегать? История о первой взрослой любви, о потере, которую нельзя исправить, и о пробуждении, которое иногда начинается с одной честной фразы.

Содержание

ПРОЛОГ 5
ГЛАВА 1 8
ГЛАВА 2 16
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Hope Forlove
Пробуждение

ПРОБУЖДЕНИЕ

Hope Forlove

«Я хочу, чтобы у тебя была жизнь, которую ты сам выберешь».

Амелия Рид

ПРОЛОГ

СИЭТЛ · ВАШИНГТОН

Дождь в Сиэтле никогда никого не удивлял. Он мог начаться посреди солнечного дня, закончиться минут через десять и вернуться с таким упорством, будто решил окончательно утопить весь город. Я привык. За двадцать два года жизни здесь я научился отличать обычный дождь от того, после которого лучше не выезжать на мотоцикле, и перестал замечать серое небо, блестящие от воды улицы и людей, которые каждый раз выглядели так, словно погода застала их врасплох. Они втягивали головы в плечи, прикрывались сумками и ладонями, вполголоса ругались и всё равно оказывались без зонта именно тогда, когда он был нужнее всего. У каждого находились свои причины для недовольства, у меня их тоже хватало.

— Дек!

Я обернулся на голос Мейсона. Он стоял у выхода из зала, придерживая дверь плечом, и смотрел на меня с выражением человека, который уже несколько раз пытался привлечь моё внимание и окончательно потерял терпение.

— Ты оглох?

— Надеялся, что ты наконец заткнёшься.

Тайлер, развалившийся на скамье неподалёку, рассмеялся. Он вообще смеялся почти над всем, что происходило во-

круг, особенно если дело касалось чужих неудач.

— Брат, когда-нибудь я напишу книгу о твоём обаянии. Думаю, она будет состоять из одной страницы.

— Слишком много для тебя, — отозвался Ной, не отрываясь от телефона.

Я усмехнулся, стянул влажные изнутри перчатки и бросил их в спортивную сумку. Руки ещё пахли резиной и потом, и этот запах давно въелся в кожу так, что не отмывался до конца, сколько ни три их под горячей водой. Вечер был обычным: те же лица, знакомые голоса, привычные шутки. Работа, тренировки, встречи с друзьями, иногда бары, иногда ночные поездки по городу. Жизнь давно превратилась в череду одинаковых дней, и я не видел смысла что-то в ней менять. Когда-то у меня были планы, большие и вполне конкретные: я знал, чего хочу, сколько готов ради этого работать и каким вижу своё будущее, и мне казалось, что упорства достаточно, чтобы однажды получить всё, о чём мечтал.

Оказалось, что не всё зависит от тебя. Я не любил об этом вспоминать и при первой возможности переводил разговор на другое, предпочитая не заглядывать далеко вперёд: в двадцать два года у меня уже хватало поводов не доверять собственным планам.

— Ты сегодня с нами? — спросил Мейсон.

— Смотря куда.

— Куда-нибудь, где ты не будешь сидеть с лицом человека, которому должны все деньги мира.

— Тогда точно нет.

Тайлер снова рассмеялся, а Мейсон только покачал головой. Я перекинул сумку через плечо и направился к выходу. За стеклянными дверями тянулись мокрые улицы, в лужах дрожали отражения вывесок и фар проезжающих машин. Город жил своей обычной жизнью и совершенно не интересовался тем, что творится у меня в голове, и в этом, пожалуй, было его главное достоинство. От жизни я не ждал ничего особенного: не искал перемен, не пытался найти того, кто перевернёт мой мир, и уж точно не собирался добровольно усложнять себе существование. Тогда я ещё не знал, насколько скоро всё изменится.

ГЛАВА 1

Привычная жизнь

Будильник зазвонил в 7:15, и я открыл один глаз ровно настолько, чтобы найти телефон и мысленно послать к чёрту весь мир. Мир, судя по всему, не обиделся, поэтому я позволил себе ещё пять минут и поднялся только в 7:23. В квартире стояла тишина, которую нарушало лишь гудение холодильника, а за окном моросил дождь, оставляя на стекле тонкие извилистые дорожки. Очередное серое утро в Сиэтле. Я прошёл на кухню, включил кофемашину и открыл холодильник, где обнаружилась половина упаковки молока, несколько банок энергетика, яйца и контейнер с едой, приготовленной ещё вчера. Великолепное разнообразие. Секунд десять я постоял перед ним, будто ждал, что там появится что-нибудь ещё, и всё-таки достал контейнер.

Пока завтрак разогревался, я проверил телефон: три сообщения от Тайлера, одно от Мейсона и уведомление от банка. Последнее заставило меня нахмуриться. Перевод от отца. Несколько секунд я смотрел на экран, чувствуя, как привычное раздражение поднимается где-то под рёбрами, потом заблокировал телефон и положил его на стол экраном вниз, хотя это ничего не меняло.

Я не просил его переводить деньги, по крайней мере в этот раз. Отец никогда особенно не интересовался моим мнени-

ем, когда дело касалось подобных вещей: он называл это помощью, а я называл это напоминанием о том, что в двадцать два года всё ещё не могу полностью обеспечить себя сам. Самым неприятным было то, что он, наверное, действительно хотел как лучше. Просто мы давно разговаривали на разных языках, и ни один из нас не собирался учить чужой.

Деньги я всё-таки оставил: отправлять их обратно значило затеять очередную бессмысленную ссору, а на ссоры с самого утра у меня не было сил. Завтрак закончился быстрее, чем я успел окончательно проснуться. Я сполоснул тарелку, принял душ и натянул чёрную футболку с джинсами. Перед зеркалом я на секунду задержался: татуировки тянулись по рукам от запястий почти до самых плеч, первой я набил на внутренней стороне правого предплечья дату, которую никому не объяснял, остальные появлялись по мере того, как жизнь давала повод, и часть из них что-то для меня значила, а часть просто понравилась. Потом я накинул толстовку, допил кофе стоя, обжигая язык, и на выходе остановился возле небольшого комода в прихожей. На нём стояла фотография в простой деревянной рамке. Мама. Я редко останавливался перед ней надолго, потому что каждый раз приходилось делать вид, будто это не причиняет боли, и сегодня тоже не стал: просто поправил накренившуюся рамку, провёл рукавом по запылившемуся стеклу и вышел из квартиры.

Во дворе под навесом стояли мои два транспорта. Kawasaki, которую я любил больше, чем следовало взросло-

му человеку, и графитовая Mazda 3 хэтчбек две тысячи пятнадцатого года, купленная на деньги, которые я заработал ещё в те времена, когда выступал. Отец не раз предлагал выбрать что-нибудь из его салонов, причём машину гораздо дороже, но каждый раз получал отказ: мне было важно знать, что хотя бы это моё собственное. Машина получилась неновой, зато ухоженной и вполне живой. На пассажирском сиденье валялась толстовка, в багажнике лежали спортивная сумка и пара инструментов, которые я забывал оттуда достать. Мотоцикл оставался моей страстью и главным транспортом в сухие дни, а Mazda выручала, когда дождь переставал быть романтичным или когда нужно было ехать куда-то дальше обычного маршрута. Сегодня до зала было рукой подать, и я выбрал мотоцикл.

Детский боксёрский зал находился в нескольких кварталах от главной дороги. Ничего особенного: потёртые стены, старые шкафчики, несколько рингов, мешки и вечный запах резины, пота и спортивной мази. Для кого-то это был обычный зал, а для меня место, в котором я до сих пор чувствовал себя на своём месте.

Высокие окна выходили в сторону порта: по утрам в них виднелась полоса воды, силуэты кранов и мокрые крыши складов, а в редкие ясные дни над ними вырастала снежная шапка Рейнира, такая нереальная, что казалась нарисованной.

— Дек!

Я едва успел закрыть за собой дверь, как ко мне подбежал Джейкоб, один из младших ребят.

— Посмотри, что я научился делать!

Он тут же принял боевую стойку и принялся демонстрировать комбинацию ударов, которую мы отрабатывали на прошлой неделе. Кулаки мелькали перед моим лицом с такой сосредоточенностью, будто от этого зависела судьба мира. Я скрестил руки на груди.

— Неплохо. Только ты опять опускаешь правую руку.

— Не опускаю!

— Конечно. Я вчера, между прочим, выиграл чемпионат мира по шахматам.

Джейкоб нахмурился, поправил стойку и повторил движение.

— Вот теперь лучше.

Он довольно улыбнулся. Мне нравилось работать с детьми: они не пытались казаться кем-то другим, не строили из себя непобедимых и не искали оправданий каждому поражению. Если им что-то не удавалось, они злились, расстраивались, иногда чуть ли не плакали, а потом возвращались и пробовали снова. Я понимал их лучше, чем мог бы объяснить.

— Ребята, собираемся! — крикнул я, хлопнув в ладони.

Зал наполнился топотом и голосами. Я показывал упражнения, поправлял стойки, следил за техникой и периодически напоминал, что бокс не повод выяснять отношения со

школьными обидчиками.

— Что, если он первый начал? — спросил один из мальчишек.

— Тогда ты идёшь и говоришь об этом взрослому.

— Если он не слушает?

— Находишь другого взрослого. У тебя что, выбор маленький?

Несколько ребят засмеялись, я тоже усмехнулся. Когда-то я сам стоял на этом месте, только вместо детских перчаток на моих руках были профессиональные бинты, а вместо тренера передо мной стояли люди, которые готовили меня к соревнованиям. Я помнил запах ринга перед боем, шум зрителей, жар ламп над головой и то мгновение, когда объявляли твоё имя и зал отзывался гулом. Иногда я скучал по этому так сильно, что хотелось разбить что-нибудь кулаком, но сейчас я просто поправил перчатку на руке Джейкоба и продолжил тренировку. После занятия я задержался, чтобы убрать инвентарь и проверить расписание на следующую неделю: скакалки, лапы, чья-то забытая бутылка, всё это нужно было вернуть на места, и я занимался этим неторопливо, почти с удовольствием.

Плечо немного ныло. Я размял его, поморщился и достал из сумки бутылку воды. Больше всего меня раздражало не само ограничение, а то, что иногда я о нём забывал: стоило увидеть ринг и услышать удары перчаток по мешку, как на несколько секунд казалось, что ничего не изменилось. Но всё

изменилось, и назад дороги не было.

— Ты опять собираешься жить здесь? — раздался голос за спиной.

В дверях стоял Мейсон.

— Ты опять собираешься задавать тупые вопросы?

— Просто проверяю, не пора ли вызывать подмогу. — Он подошёл ближе и бросил взгляд на моё плечо. — Как оно?

— Живое. Жалоб пока не поступало.

— Дек.

— Мейсон.

Он покачал головой, но продолжать не стал. За это я его и ценил: он всегда чувствовал, где проходит граница, и редко её переступал.

— Тайлер зовёт вечером, Ной тоже будет.

— Передай Тайлеру, что у меня есть более интересные занятия.

— Например?

— Всё, что не связано с Тайлером.

— В восемь. Не опаздывай.

— Посмотрим.

Он ушёл, оставив после себя запах дождя и ощущение, что спокойного вечера мне сегодня всё равно не видать. К восьми я уже был дома, и квартира встретила меня тишиной. Я бросил ключи на комод, стянул толстовку и прошёл на кухню. Моё жильё никогда не походило на картинки из интерьерных журналов: тёмная мебель, небольшой диван с

телевизором напротив, открытая кухня и несколько вещей, которые я так и не удосужился разобрать после переезда. На полке лежали боксёрские перчатки, рядом стоял шлем от мотоцикла, а на журнальном столике валялись ключи, зарядка и какие-то чеки.

Не идеально, но мне нравилось. Я жил один, и никто не спрашивал, почему я оставил грязную кружку на столе или вернулся домой в три часа ночи. Свобода, если подумать, вещь довольно простая, вот только в ней иногда бывает слишком тихо. Телефон завибрировал. Тайлер.

«Ты где, старик?»

«Дома», — набрал я.

«Мы ждём».

«Я вас не просил».

«Мейсон сказал, что ты будешь».

Я усмехнулся и убрал телефон. Несколько секунд я смотрел на диван, который так заманчиво стоял напротив телевизора, потом вздохнул, взял куртку и ключи.

Когда я вошёл в бар, Тайлер уже сидел за столиком и что-то оживлённо рассказывал Ною, размахивая руками. Ной слушал с таким лицом, будто мысленно составлял список причин, по которым ему стоило остаться дома. Мейсон заметил меня первым.

— Я же говорил, что придёт.

— Не обольщайся, — сказал я, садясь рядом. — Дома просто закончилась еда.

— Конечно, — протянул Тайлер. — Мы все верим.

Вечер прошёл привычно: разговоры ни о чём, шутки, пара историй из прошлого и бесконечные попытки Тайлера убедить нас, что его очередная идея не закончится катастрофой. Я слушал вполуха, вертел в пальцах стакан и ловил себя на том, что мне здесь спокойно. Не весело, а именно спокойно, что давно уже было для меня достаточно близко. Иногда казалось, что эти трое знают обо мне больше, чем я сам хотел бы. Мейсон знал, когда лучше промолчать, Ной замечал то, на что остальные не обращали внимания, а Тайлер умудрялся раздражать меня даже тогда, когда делал что-то хорошее. Наверное, именно поэтому мы и держались вместе.

Ближе к полуночи я вышел на улицу. Дождь почти закончился, воздух был холодным, влажным и пах мокрым асфальтом и бензином. Я достал ключи от мотоцикла и покрутил их в пальцах, думая о том, что завтра снова будет тренировка, потом работа, какие-то дела и очередной вечер с друзьями или дома. Я завёл двигатель и выехал на пустую улицу. Фонари тянулись вдоль дороги ровной цепочкой, мокрый асфальт блестел под колёсами, отражая жёлтый свет, и в двадцать два года моя жизнь была совсем не такой, какой я когда-то её представлял. Ответа на вопрос, что с этим делать, у меня по-прежнему не было.

ГЛАВА 2

Не всё решается деньгами

Телефон зазвонил, когда я пытался найти вторую чистую футболку. Первая уже была на мне, а вторая должна была обнаружиться среди вещей, которые я вчера вывалил на кровать, так и не придумав, куда их девать. Я посмотрел на экран. Отец. Отличное начало утра. Телефон вибрировал в ладони, и я почти успел убедить себя, что не расслышал звонка, но помедлил ещё секунду, будто от этого что-то зависело, и всё-таки ответил.

— Да?

— Ты получил перевод? — Ни приветствия, ни вопроса о том, как я спал.

— Доброе утро и тебе.

— Деклан.

— Получил.

Я прислонился плечом к дверному косяку, глядя на разбросанные по кровати вещи, среди которых, как назло, не было ни одной футболки.

— Зачем ты это сделал?

На другом конце повисла короткая пауза. Я почти слышал, как он подбирает слова: отец всегда подбирал их слишком долго, а потом выбирал самые неподходящие.

— Решил помочь.

— Я не просил.

— Я знаю.

Вот именно. Он всегда знал и всё равно делал по-своему.

— Тогда в чём проблема? — спросил я.

— Никакой проблемы нет. Просто хотел, чтобы у тебя было немного больше свободных денег.

— У меня есть работа, — сказал я без особого веселья. — Может, позволишь мне самому разбираться со своими расходами?

Отец тяжело вздохнул.

— Я не пытаюсь тебя контролировать.

— Конечно.

Мы замолчали. В трубке было слышно, как где-то у него на фоне хлопнула дверь и кто-то прошёл по коридору. Я ненавидел эти разговоры: каждый раз всё начиналось с какой-нибудь мелочи, а заканчивалось тем, что мы оба чувствовали себя так, будто только что проиграли очередную бессмысленную битву, причём не друг другу, а чему-то третьему, чего ни один из нас не мог назвать.

— Как плечо? — наконец спросил он.

Я посмотрел на собственную руку, будто она могла ответить сама.

— Работает.

— Ты был у врача?

— Пап, мне двадцать два, а не двести. Со своим здоровьем я способен разобраться сам.

— Я просто спросил.

— Я ответил.

Снова повисла тишина.

— Не буду тебя задерживать, — сказал отец.

— Давай.

Я сбросил вызов и бросил телефон на кровать. Он отскочил от вороха одежды и замер экраном вверх. Несколько секунд я просто стоял посреди комнаты и смотрел в одну точку, пока футболка не нашлась на спинке стула, чистая, но мятая. Я натянул её, не глядя в зеркало, и вышел из квартиры.

К полудню я уже был в городе. Отец владел несколькими автосалонами, и когда я был младше, мне казалось, что это самая крутая работа на свете: большие светлые помещения, дорогие машины, сотрудники, которые здоровались с ним по имени, и постоянные поездки между филиалами. Я помнил, как сидел за рулём какой-то из машин, едва доставая до педалей, и считал себя хозяином мира. Теперь всё это вызывало у меня скорее усталость. Я припарковался у одного из салонов, снял шлем и несколько секунд смотрел на стеклянный фасад, в котором отражались облака и мой мотоцикл, потом вошёл внутрь. В салоне пахло кожей и полиролью, где-то негромко работал кондиционер, а новые машины стояли на подиумах ровными рядами, как боксёры на взвешивании, каждая со своим блеском и своей ценой.

— Деклан! — окликнул меня один из менеджеров. — Дав-

но не виделись.

— Привет, Марк.

— Лоуренс у себя. Сказал, что ты можешь зайти.

Я кивнул и направился к кабинету. Отец сидел за столом, просматривая какие-то документы, в светлой рубашке с закатанными рукавами. Волосы у него заметно поседели, хотя он никогда не признавал, что становится старше, и я отметил это про себя с неожиданным неприятным уколом: в прошлый раз седины было меньше.

— Пришёл, — сказал он, поднимая голову.

— Как видишь.

Он отложил бумаги и указал на кресло напротив.

— Садись.

Я сел. Кресло оказалось слишком низким и слишком мягким, наверное, нарочно, чтобы посетители не засиживались. Несколько секунд отец просто смотрел на меня, будто пытался понять, с чего начать.

— Как работа?

— Нормально.

— Всё ещё тренируешь детей?

— Да.

— Тебе нравится?

— Иначе бы не работал там.

Отец кивнул.

— Я думал, со временем ты захочешь вернуться в бизнес.

— Мы опять начинаем? — тихо рассмеялся я.

— Я просто говорю, что у тебя всегда будет место здесь.

— Мне не нужно место здесь.

— Это семейное дело.

— Твоё семейное дело.

Он нахмурился.

— Не понимаю, почему ты так реагируешь.

Я посмотрел на него. Иногда мне хотелось объяснить по-настоящему, почему мне так важно иметь что-то своё и почему я не хочу, чтобы моя жизнь состояла из его денег, его связей и его решений. Я даже прокручивал в голове, с чего бы начал, но каждый раз, когда пытался, разговор заходил в тупик.

— Потому что я не хочу жить твоей жизнью, — наконец сказал я.

Отец отвёл взгляд. На столе рядом с документами стояла фотография в рамке: я, мама и он сам. Мне было лет десять, я улыбался, мама держала меня за плечи, а отец стоял рядом, обнимая её за талию. Я не помнил, когда в последний раз видел его таким спокойным и по-настоящему довольным.

— Ты похож на неё, — неожиданно произнёс он.

Я поднял глаза.

— На кого?

Он посмотрел на фотографию.

— На мать. Особенно глаза.

Мне стало не по себе. За все эти годы отец почти не произносил слово «мама» вслух, словно оно могло расколоть что-

то хрупкое между нами, и теперь я не знал, что с этим делать. Сам я не произносил его уже очень давно. Я отвёл взгляд к окну, за которым по стеклу медленно ползли дождевые капли, и смотрел на них, лишь бы не смотреть на него.

— Мне пора.

Отец не стал меня останавливать.

— Позвони, когда освободишься.

— Угу.

Я вышел из кабинета, не оглядываясь, и на улице достал телефон, проверил время и направился к мотоциклу. Я надел шлем, завёл мотор и только на первом светофоре поймал себя на том, что до сих пор вижу перед собой ту фотографию на столе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.